Пр

М. И. Грантъ

ГРАФЪ ВИТТЕ

вчера и сегодня.

M. J. Grant

Graf Witte

von gestern und von heute.

(Laut seiner geheimen Dokumente.)

Berlin.
STUHR'SCHE BUCHHANDLUNG, VERLAG.
1906.

1830.

1830

БИБЛИОТЕКА
ОМСКУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
364
29
„Пров 49“ 66
1830 86.

I.

Я правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи . . .
Грибоѣдовъ.

Крутой поворотъ русской государственной жизни въ сторону реакціи, рельефно обозначившійся съ первыхъ же дней царствованія императора Александра III, наросталъ день ото дня все большимъ и большимъ кошмаромъ надъ русскимъ обществомъ.

Бюрократія, всегда лживая и наглая, почуявъ въ новомъ царѣ заступника своихъ вѣковыхъ прерогативъ, наглѣла все болѣе и болѣе и безъ стѣсненія срывала послѣдніе фиговые листки со своихъ стремленій.

Одинъ за другимъ коверкались и разрушались тѣ государственно-правовые принципы, которые были заложены въ основу реформъ предыдущаго царствованія. Какъ ни бюрократически-тенденціозно были выполнены эти реформы, онѣ даже и въ такомъ видѣ стѣсняли бюрократію, лишали ее вожделѣннаго простора ея реакціоннымъ стремленіямъ, и она рѣшительно раздѣлывалась съ самымъ существомъ такъ называемыхъ „великихъ реформъ“, дѣятельно очищая себѣ путь къ

полному торжеству реакціи и къ окончательному закрѣпощенію общественной мысли.

Земское и городское самоуправленіе, крестьянскій вопросъ, судъ присяжныхъ и мировая юстиція, академическая жизнь университетовъ и средней школы — все подверглось безпощадному разгрому. И рядомъ съ этимъ расцвѣтала пышнымъ цвѣтомъ религіозная и національная нетерпимость, желѣзной петлей душившая высококультурныя народности, исторической судьбой вкрапленныя въ огромный политическій организмъ Россіи. Евреи, поляки, финлянд., малор., армяне, старообрядцы, раскольники и пр. національныя и религіозныя группы подверглись неслыханному гоненію, отъ лишенія ихъ основныхъ человѣчески-гражданскихъ правъ до кровавыхъ избіеній съ благосклоннаго содѣйствія правительства.

Въ эту мрачную эпоху русской исторіи создался одинъ идеалъ, политическій идеалъ порабощенной страны, управляемой царскими воеводами, всевластными, неотвѣтственными, производящими свою власть отъ первоисточника произвола и усмотрѣнія — отъ патріархальнаго самодержавія.

Это былъ идеалъ Домостроя, идеалъ Іоанна Грознаго. Въ немъ видѣли историческое предопредѣленіе, видѣли величіе самобытности и къ этой дикой самобытности тянули Россію назадъ, къ до петровскому укладу, подальше отъ западноевропейской культуры, поближе къ китайской мертвечинѣ, къ персидскимъ сатрапіямъ — словомъ, ко всѣмъ азіатскимъ политическимъ идеаламъ.

Неистощимый юмористъ, покойный Д. Д. Минаевъ отмѣтилъ эту тенденцію тогдашняго правительства ѣдкой эпиграммой:

Постепенно назадъ и назадъ
На такую прійдемъ мы дорожку,
Что загонятъ насъ всѣхъ, какъ телятъ,
За уральскій хребетъ по немножку.
Мы воздвигнемъ себѣ монументъ,
Монументовъ всѣхъ выше и краше:
И въ одинъ колоссальный Ташкентъ
Обратится отечество наше!

Конечно, стройное проведеніе такой политики самобытности требовало иныхъ людей, чѣмъ министры Александра втораго.

Лорисъ-Меликовъ, Милютинъ, Валуевъ и др. для этого не годились.

Нашлись другіе государственные дѣятели. Да ихъ и искать не нужно было.

Слишкомъ близокъ былъ сердцу бюрократіи этотъ заманчивый политическій идеалъ общественнаго рабства. Слишкомъ заманчива была перспектива безграничной, безконтрольной министерской власти, чтобы на нее не набросились жадно вороны и коршуны, кружившіе со зловѣщимъ карканьемъ и клекотомъ вокругъ русскаго престола.

И прежде всѣхъ прочно усѣлся на самой верхушкѣ мономаховой шапки старый воронъ Побѣдоносцевъ, высшее счастье видѣвшій въ мертвечинѣ, въ безпросвѣтномъ мракѣ народнаго невѣжества.

Его сподвижникъ, графъ Д. Толстой, выклевавшій своей классической системой школы свѣжіе ростки русскаго общества — молодое русское

поколѣніе, эту будущность страны, взявши портфель министра внутреннихъ дѣлъ, рубилъ съ плеча земское и городское самоуправленіе, такъ что отъ нихъ летѣли щепки.

Человѣконенавистникъ графъ Н. Игнатьевъ систематически травилъ народности, входящія въ составъ Россіи, тщательно культивируя религіозную и національную нетерпимость.

И еще, и еще . . . Цѣлая галлерея типичныхъ бюрократовъ въ худшемъ значеніи этого слова, рабски-угодническихъ, цинично-откровенныхъ, душили страну своимъ творчествомъ, расхищая народное достояніе, развращая народную душу, сѣя отраву озлобленія. . . .

И черезъ нѣсколько лѣтъ этого творчества на всей общественной жизни страны легла печать унынія и безнадежности.

И вотъ, почти въ самомъ концѣ царствованія Александра III на правительственныхъ верхахъ появляется новая фигура.

Въ дебряхъ желѣзнодорожнаго хозяйничанья, среди повальнаго безголовья, тупости и продажности администраторовъ этого своеобразнаго мірка, съ г. Кривошеинымъ во главѣ, все чаще и чаще начинаетъ встрѣчаться новое имя, не имѣющее ни родовитости происхожденія, ни спасительнаго тетушкинаго хвостика.

Это имя — Витте.

Несомнѣнно одаренный природнымъ умомъ, солидными знаніями, практической сметкой и поразительнымъ трудолюбіемъ, человѣкъ этотъ скоро выдѣлился на общемъ фонѣ поголовной бездарности и бюрократической лѣни.

Въ короткое время пройдя всю іерархическую лѣстницу желѣзнодорожнаго вѣдомства, онъ въ одинъ прекрасный день очутился во главѣ министерства путей сообщенія.

Появленіе на министерскомъ посту новаго человѣка, самостоятельно добившагося министерскаго портфеля, было для тогдашней Россіи явленіемъ исключительнымъ. При строгой, совершенно кастовой замкнутости высшаго министерскаго круга, министерскіе портфели обыкновенно попадали въ руки старыхъ, испытанныхъ бюрократовъ, имѣвшихъ тѣсныя связи съ правящими сферами, длинную геральдику и пользовавшихся фаворитизмомъ при дворѣ.

Но Витте былъ въ полномъ значеніи слова „homo novus“, человѣкъ безъ бюрократической генеалогіи и вполнѣ понятно, что на него, какъ на свѣжаго человѣка, добравшагося до высоты министерской власти изъ среднихъ слоевъ общества, устремились взоры всей Россіи.

Отъ Витте, начавшаго службу въ качествѣ маленькаго винтика въ механизмѣ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, жившаго долгое время жизнью того самого русскаго общества, которое задыхалось въ желѣзныхъ тискахъ побѣдоносцевскаго и толстовскаго режима, общество въ правѣ было ожидать внесенія свѣжей струи въ политическія теченія административныхъ верховъ.

Молодой, образованный, способный, трудолюбивый, попавшій только благодаря личнымъ качествамъ въ составъ высшаго правительства онъ долженъ былъ послужить проводникомъ новаго

начала, оздоровляющаго административную атмосферу.

Оправдалъ ли Витте надежды лучшей части мыслящаго русскаго общества — увидимъ ниже.

Но для этого мы должны вспомнить, что лучшимъ достояніемъ русской общественной жизни было несомнѣнно земство.

Представляя изъ себя воплощеніе идеи самоуправленія, хотя далеко несовершенное, земскія учрежденія, даже и въ томъ зачаточномъ видѣ, который они получили въ положеніи 1864 года, всегда служили предметомъ заботливой охраны его отъ посягательствъ сверху. Однако политическія условія были крайне неблагопріятны для этой защиты. Возроставшая реакція направляла свои цѣпкіе когти на это общественное достояніе и день за днемъ на долю земства выпадали тяжелые удары, убивавшіе, такъ сказать, самое существо земской идеи.

Понятно, что русскіе земскіе люди въ лучшемъ смыслѣ этого слова съ трепетомъ душевнымъ слѣдили за каждой вновь появляющейся у власти рукой и оцѣнивали ее прежде всего съ точки зрѣнія пользы или вреда, которыхъ можно было ожидать отъ новаго правителя для земскаго дѣла.

Отношеніе представителя власти къ земству сдѣлалось такимъ образомъ основнымъ масштабомъ общественныхъ къ нему симпатій или антипатій.

Оцѣнивая по этому масштабу министерскую дѣятельность Витте, я останавливаюсь на двухъ секретныхъ документахъ, принадлежащихъ перу Витте, такъ какъ оба они, а особенно второй, не

только опредѣляютъ собой отношенія Витте къ земству, но еще и проливаютъ свѣтъ на теоретическую, такъ сказать, мотивировку этого отношенія, высказанную Витте съ той откровенностью, которая характеризуетъ вообще всякія секретныя бумаги, непредназначенныя для широкой огласки.

Документы эти такъ содержательны и такъ многозначительны для истиннаго уразумѣнія нынѣшней политики перваго самодержавно-полицейскаго премьера, что знакомство съ ними сразу раскрываетъ глаза на всю сѣть хитроумія, лицемѣрія и двуличія, которую плететъ теперь добравшійся до вершины земнаго благополучія временщикъ.

Въ этихъ документахъ отражаются истинные взгляды Витте на земство, не тѣ, въ которые онъ драпируется, появляясь на страницахъ исторіи въ качествѣ спасителя Россіи, не тѣ, которые онъ распускаетъ павлиньимъ хвостомъ изъ подъ золотаго шитья своего оберъ-министерскаго мундира, а тѣ подлинныя, откровенныя мысли, которыя выглядываютъ изъ подъ распахнувшагося домашняго затрапезнаго халата.

Въ этомъ смыслѣ эти документы, какъ рентгеновскіе лучи, пронизываютъ насквозь всю толщу министерскаго величія и даютъ возможность любопытному взору россійскаго обывателя разглядѣть вполнѣ отчетливо ясные, опредѣленные, бюрократически-реакціонные принципы въ тайникахъ сіятельной души. . . .

II.

Первый изъ лежащихъ предъ нами секретныхъ документовъ Витте, это — его докладъ царю въ февралѣ 1899 года по вопросу о земскихъ школахъ.

Въ немъ рѣчь идетъ не болѣе и не менѣе, какъ объ отнятіи у земства народныхъ школъ и передачи ихъ въ вѣдомство св. синода и министерства народнаго просвѣщенія.

Начавъ съ увѣренія, что, благодаря мудрымъ предначертаніямъ царя и мѣропріятіямъ правительства, финансовое положеніе несомнѣнно упрочилось, министръ финансовъ Витте считаетъ нужнымъ „озаботиться обращеніемъ средствъ, коими можетъ располагать государственное казначейство, на наиболѣе назрѣвшія государственныя потребности. Въ этомъ отношеніи онъ ставитъ на первую очередь потребности народнаго образованія и въ частности — распространеніе начальнаго образованія“.

Казалось бы — очень хорошо.

И въ самомъ дѣлѣ, подумайте только.

Народъ погруженъ во тьму невѣжества. Его необходимо просвѣтить хотя бы начальнымъ обученіемъ.

Это ближайшая задача правительства, наиболѣе назрѣвшая.

Кстати, министръ финансовъ упрочилъ финансовое положеніе страны. Въ казначействѣ есть свободныя средства, коими государство можетъ располагать для своихъ назрѣвшихъ нуждъ. . . .

Чего же лучше? Конечно — немедленно обратить эти средства на начальное народное образованіе.

Но . . . поперегъ дороги министру финансовъ Витте стало земство.

И онъ начинаетъ, что называется, подъѣзжать издалека.

„Дѣло народнаго образованія," докладываетъ министръ Витте царю, „находится у насъ на попеченіи собственно двухъ вѣдомствъ: министерства народнаго просвѣщенія и св. синода, такъ какъ состоящія въ распоряженіи другихъ вѣдомствъ спеціальныя нисшія училища весьма немногочисленны и въ смыслѣ общаго начальнаго образованія народа не имѣютъ серьезнаго значенія.

Въ дополненіе къ пожертвованіямъ и другимъ частнымъ источникамъ, изъ суммъ государственнаго казначейства ассигнуется по смѣтѣ св. синода на содержаніе церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, а равно и на надзоръ за этими школами 4 953 841 руб. Къ этой суммѣ по моему предварительному соглашенію съ оберъ-прокуроромъ св. синода предположено добавить съ 1 января 1900 г. 1 800 000. По смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на приходскія и начальныя народныя училища, на учительскія семинаріи, приготовляющія учителей для народныхъ училищъ и на надзоръ за народными училищами ассигнутся 4 402 836 руб. Къ этимъ же ассигнованіямъ нужно причислить 1 200 000, которые расходуются на начальныя народныя училища изъ состоящихъ въ непосредственномъ распоряженіи

правительства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія."

„Но наряду съ этими школами," вздыхаетъ далѣе Витте, „существуютъ еще начальныя школы, содержимыя земствомъ. На эти школы по непосредственнымъ (!) распоряженіямъ земскихъ учрежденій расходуется около 7 милліоновъ рублей изъ земскихъ сборовъ."

Вотъ этого-то „непосредственнаго распоряженія" не можетъ переварить либеральная душа министра Витте.

Лакомый кусочекъ въ 7 мил. земскихъ денегъ соблазняетъ оберъ-казначея пустующей россійской казны и онъ ухищряется протянуть къ этимъ деньгамъ бархатистую лапку, со скрытыми въ ней цѣпкими коготками.

Съ чисто кошачьей повадкой жалобно мурлыкаетъ онъ, что „всѣ земскіе сборы на столько же уменьшаютъ возможность правительства пользоваться платежными силами населенія, какъ источникомъ государственныхъ доходовъ."

Еще бы! Не будь этого ненавистнаго земства, всѣ собираемыя имъ денежки доставались бы казнѣ.

Еще больше огорчаетъ хранителя русской казны то обстоятельство, что „земство стремится перелагать на государственное казначейство тѣ или другіе изъ лежащихъ на земствѣ обязательныхъ расходовъ. При этомъ, освободившись отъ извѣстныхъ расходовъ земства не сокращаютъ обложеній, а освободившіяся суммы обращаютъ на другія потребности, въ томъ числѣ и на открытіе новыхъ начальныхъ училищъ."

Не нужно быть глубокомысленнымъ философомъ, чтобы понять, куда гнетъ земстволюбивый министръ.

Эдакое, можно сказать, неблагодарное, непочтительное и алчное земство!

Казна матушка съ чисто материнской заботливостью принимаетъ на себя нѣкоторые изъ его расходовъ. Ну, чтобы имъ прійти, въ ножки поклониться и сказать:

— Маменька, вы за насъ расходуетесь. Такъ мы уменьшимъ свои обложенія. . . . А чтобы народъ не избаловался отъ облегченія налоговъ, такъ намѣсто насъ облагайте вы его на свободную сумму. . . .

Было бы и мило и почтительно и породственному. И душа министерская была бы рада. . . .

Такъ нѣтъ же!

Неблагодарное земство избавленіе отъ расходовъ пріемлетъ, яко даръ, а обложеніе населенія продолжаютъ по прежнему.

Естественное дѣло, у нихъ образуются свободныя денежки. И вотъ на эти то свободныя денежки, которыя, по министерской совѣсти говоря, должны были попасть въ казначейство, эти неблагодарныя земства. . . . Что бы вы думали? . . На эти денежки открываютъ . . . новыя народныя школы.

Такое, можно сказать, неприличное поведеніе земства наполняетъ негодованіемъ финансовое сердце министра Витте и онъ ставитъ вопросъ, что называется, ребромъ:

„Не слѣдуетъ ли принять всѣ школьные расходы земства на счетъ казны, но съ тѣмъ, чтобы земство передавало казнѣ всѣ собираемыя имъ на школы деньги?“

Но этого наказанія провинившемуся земству ему кажется мало и онъ, подумавъ, ставитъ вопросъ еще проще:

„Или совсѣмъ освободить населеніе отъ земскихъ школьныхъ сборовъ.“

Въ самомъ дѣлѣ. Чего тутъ церемониться? Казна будетъ расходоваться на земскія школы, земство будетъ собирать съ населенія деньги на школы и передавать казнѣ. . . Слишкомъ сложная процедура!

Не проще ли совсѣмъ лишить земство сборовъ на школы.

Казна сама будетъ расходовать на земскія школы и сама на эти расходы будетъ облагать населеніе. Такъ будетъ вѣрнѣе.

И министръ финансовъ, поставивши такой прямой вопросъ о лишеніи земства даже той призрачной автономіи, которая якобы существуетъ въ земскомъ школьномъ вопросѣ, еще прямѣе рѣшаетъ этотъ вопросъ.

Онъ рѣшительно увѣряетъ царя, что „вопросъ этотъ, конечно, безъ особаго затрудненія могъ бы быть разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.“

Это витевское „конечно“ прямо великолѣпно.

Въ ореолѣ витевскаго либеральнаго величія, которое, какъ павлиній хвостъ, сіяетъ нынѣ вокругъ украшеннаго графской короной „творца русской

конституціи", оно составляетъ одинъ изъ немеркнущихъ лучей.

Многострадальное русское земство, изъ тѣла и души котораго вырывали живые куски злобные охранители подгнившихъ устоевъ русскаго царизма, занесетъ въ свой мартирологъ и это исторически-позорное „конечно".

III.

Но это „конечно" — только цвѣточки прорвавшагося министерскаго нутра.

Ягодки — впереди.

„Такимъ образомъ," продолжаетъ Витте докладывать царю, „упадая въ сущности на одни и тѣже платежные источники, расходы по содержанію начальныхъ народныхъ училищъ распредѣляются по тремъ категоріямъ.

„Раздѣленіе расходовъ по смѣтамъ министерства народнаго просвѣщенія и свят. синода не представляетъ, ни по существу дѣла, ни въ финансовомъ отношеніи никакихъ затрудненій, такъ какъ и тѣ и другіе расходы находятся по общему порядку на попеченіи министерства финансовъ и подчиняются общей системѣ испрошенія и разрѣшенія.

Въ иномъ положеніи оказываются расходы третьей категоріи.

Находясь въ зависимости отъ земскихъ учрежденій, расходы эти являются, какъ бы самостоятельными и несвязанными съ правитель-

ственными мѣропріятіями по развитію народнаго образованія, а при такой неопредѣленности границъ дѣятельности на одномъ и томъ же поприщѣ — съ одной стороны — земскихъ учрежденій, а съ другой — вѣдомствъ министерства народнаго просвѣщенія и св. синода — затрудняется и выработка опредѣленнаго плана дѣйствій по распоряженію народными училищами."

Такъ вотъ оно въ чемъ дѣло!

Поняли теперь?

Земство, изволите ли, видѣть распоряжается школами самостоятельно, ибо оно не связано системой „испрошенія и разрѣшенія", столь дорогой истинно-бюрократическому сердцу.

Земство не считается съ правительственными мѣропріятіями по школьному вопросу. Другими словами, не считается съ вопросомъ, желательны ли г. Побѣдоносцеву новыя народныя школы.

Границы земской дѣятельности на поприщѣ народнаго образованія неопредѣленны.

Вотъ видите, что приводитъ въ содраганіе министра Витте!

Значитъ не только къ 7 мил. земскихъ денегъ протягиваетъ руку министръ финансовъ. Его смущаетъ и ужасаетъ еще и относительная самостоятельность земства въ школьномъ вопросѣ. Ему страстно хочется подчинить земство въ этомъ вопросѣ системѣ испрошеній и разрѣшеній, опредѣлить границы дѣятельности земства на поприщѣ народнаго образованія, а главное — связать эту дѣятельность съ правительственными планами дѣйствій по начальному народному образованію. . . .

Какіе это планы — нужно ли говорить?

Душить въ народѣ всякую попытку пробужденія сознательной, творческой мысли, заколачивать каждую щель, сквозь которую могъ бы прорваться лучъ свѣта въ темное царство поголовнаго народнаго невѣжества, не пропускать къ народу ни одной разумной книжки, забивая ему голову патріотической литературой генерала отъ патріотизма Богдановича да „Дружескими Рѣчами“ выжившаго изъ ума князя Мещерскаго, держать въ черномъ тѣлѣ и трепетномъ страхѣ предъ урядникомъ просвѣтителей народа — школьныхъ учителей. . . .

И для этого министръ Витте предлагаетъ царю: отобрать у земства школьныя суммы и подчинить его дѣятельность общимъ мѣропріятіямъ правительства.

Такъ относился Витте къ земству въ 1899 году и никакіе титулы и сіятельныя короны всего міра не вытравятъ изъ исторіи того усердія, съ которымъ „министръ изъ общества“ Витте состязался со столпами русской реакціи, съ Побѣдоносцевыми, Плеве, Игнатьевыми — имя же имъ легіонъ! — въ стремленіи отнять у худосочнаго зародыша идеи самоуправленія, многострадальнаго русскаго земства, его самое священное право — право свободно и независимо нести свѣтъ начальнаго обученія въ задыхающуюся во мракѣ невѣжества народную массу.

Такъ вотъ что освѣтилъ въ тайникахъ сіятельнаго нутра одинъ изъ лежащихъ предъ нами секретныхъ документовъ Витте.

Еще ярче освѣщаетъ эти тайники другой документъ, такъ какъ въ немъ Витте высказывается

не по отдѣльному какому нибудь земскому вопросу, а по существу идеи земства и конституціи.

Но объ этомъ — ниже.

IV.

Второй секретный документъ Витте — это его конфиденціальная записка на проэктъ бывш. министра внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкина о введеніи земскихъ учрежденій въ западныхъ губерніяхъ.

Если въ первомъ своемъ конфиденціальномъ документѣ Витте, какъ мы видѣли, высказался за необходимость отнять у земства школы, то во второмъ документѣ Витте идетъ еще дальше и прямо заявляетъ, что Россіи земство совсѣмъ не нужно.

И если въ первомъ своемъ документѣ нынѣшній либеральный министръ-президентъ вмѣсто мундира залитаго золотымъ шитьемъ является предъ нами въ домашнемъ халатѣ и такъ сказать въ своемъ откровенномъ политическомъ „дезабилье“, то во второмъ — онъ даже и этотъ халатъ сбрасываетъ и мы видимъ его во всей его „натуральной неприкосновенности“ или, выражаясь кулинарнымъ языкомъ, „au naturel“.

Это зрѣлище въ высокой степени поучительное и богато невольными сопоставленіями двухъ Витте: одного — такъ сказать вчерашняго, и

другаго — сегодняшняго, приготовленнаго подъ соусомъ самодержавно-полицейскаго премьерства.

Сама по себѣ записка С. Ю. Витте на горемыкинскій проэктъ очень обширна, но интересъ для насъ представляетъ собой ея заключительная глава. Въ ней, какъ въ фокусѣ стекла, сливается все политическое credo Витте въ одно опредѣленное резюме.

Говоря объ общемъ государственномъ значеніи самоуправленія, Горемыкинъ въ своемъ проэктѣ дѣлаетъ выводъ, что „основой дѣйствительной силы всякаго государства, какова бы ни была его форма, есть развитая и окрѣпшая въ самодѣятельности личность и что выработать въ народѣ способность къ самоустройству и самоопредѣленію можетъ только привычка къ самоуправленію. Развитіе же бюрократіи и правительственной опеки создаетъ лишь обезличенныя и безсвязныя толпы населенія, людскую пыль.“

Оппонентъ Горемыкина Витте слишкомъ уменъ и остороженъ, чтобы оспаривать эту вполнѣ ясную и справедливую мысль и онъ спѣшитъ съ нею согласиться.

Оговорившись, что эта мысль идетъ въ разрѣзъ съ политикой министерства внутреннихъ дѣлъ, далеко не желающаго превратить „людскую пыль“ въ сознательныя, самоопредѣляющіяся и самодѣятельныя массы, Витте однако храбро заявляетъ: „для меня безспорной представляется та истина, что степень развитія личной самодѣятельности народа опредѣляетъ собой степень могущества государства и его положенія сосѣдняго. Чѣмъ болѣе развита личность въ странѣ, чѣмъ

прочнѣе укоренилась въ ней самодѣятельность, безъ посторонней помощи устраивать свое благосостояніе, тѣмъ болѣе устойчивости имѣетъ весь общественный а за нимъ и государственный строй".

Великолѣпно! Не правда-ли?

Въ особенности этотъ тонкій политическій намекъ въ словахъ „безъ посторонней помощи".

Казалось бы, что, сдѣлавъ отъ этого положенія еще одинъ шагъ, Витте прійдетъ, какъ къ логическому развитію своей мысли, къ мысли о необходимости развитія въ странѣ органовъ самоуправленія.

Но тутъ получается нѣчто по истинѣ изумительное.

Министръ Витте дѣлаетъ головокружительный курбетъ, которому позавидовалъ бы любой гимнастъ.

„Мысль о значеніи самодѣятельности личности," говоритъ онъ, „мысль безспорно глубокая. Она руководила и долго будетъ руководящимъ правиломъ для всякаго государственнаго дѣятеля (кромѣ вѣроятно г. Витте — добавимъ мы.) Но съ своей стороны я полагалъ и полагаю, что для развитія личной и общественной самодѣятельности формы правленія и тѣсно связанныя съ ними формы управленія сами по себѣ рѣшающаго значенія не имѣютъ. Въ предѣлахъ европейской цивилизаціи исторія и современность показываютъ, что личная свобода, общественная самодѣятельность, экономическое и вообще культурное преуспѣяніе народа — всѣ эти блага бываютъ и не бываютъ, одинаково достигаются и теряются при

различныхъ формахъ правленія и управленія. Формы эти не заказываются и не сочиняются — а въ тѣхъ случаяхъ, когда навязываются странѣ — не служатъ къ добру странѣ. Какъ республиканскій, такъ и монархическій режимъ, какъ правительственная администрація такъ и органы, самоуправленія, могутъ быть и плохимъ и хорошимъ средствомъ управленія. Каждая изъ нихъ можетъ обезпечивать личную свободу, общественную самодѣятельность, способствовать экономическому и культурному преуспѣянію народа, можетъ и, обратно, давить, какъ отдѣльную личность, такъ и цѣлый народъ, одинаково покровительствовать только нѣкоторой части населенія и держать народъ въ нищетѣ, полной экономической зависимости, умственномъ невѣжествѣ. Существенна не форма, а ея внутреннее содержаніе, не то, какая форма, а какъ она осуществляется, насколько соотвѣтствуетъ она духу народа, его политическому развитію, географическимъ и этнографическимъ условіямъ страны."

Въ каждой фразѣ этой политической тирады вы чувствуете софизмъ. И не нужно обладать особенной дальновидностью, чтобы понять зачѣмъ эта тирада понадобилась Витте. Форма правленія мнѣ, неважна, ибо бываютъ плохія республики и прекрасныя самодержавія. Важна не форма, а содержаніе. Но вѣдь мы различаемъ понятія о формахъ правленія именно по содержанію. Республика есть республика. Самодержавіе есть самодержавіе. У каждой изъ этихъ формъ есть свое содержаніе. И если формѣ „республика" дать содержаніе формы „самодержавія", то она пере-

станетъ быть республикой и на оборотъ. Затѣмъ въ заключительныхъ словахъ тирады вы уже чувствуете, какъ авторъ начинаетъ подготовлять васъ къ легендѣ о соотвѣтствіи формы правленія духу народа, о политической неподготовленности народа и пр.

Но это не смущаетъ автора и онъ, не смотря на широко раскрытые глаза читателя и скользящую по его лицу улыбку недовѣрія продолжаетъ пояснять свою мысль.

„Господство закона и права, свобода и самодѣятельность личности и вытекающая изъ этого источника самодѣятельность общества, въ ея разнообразныхъ примѣненіяхъ и направленіяхъ — все это можетъ быть задачей государства при всякой формѣ его правленія и управленія. Каждое правовое государство, будетъ ли то самодержавная имперія, конституціонная монархія или любой видъ республики можетъ и обязано установить государственный порядокъ, обезпечивающій хозяйственный бытъ, личную безопасность и развитіе общественной самодѣятельности.“

Вотъ такъ логика!

Самоуправленіе, изволите-ли видѣть есть необходимѣйшее условіе развитія личности и вытекающей отсюда устойчивости государственнаго строя.

Съ этого началъ Витте.

Но въ сущности можно обойтись и безъ самоуправленія, ибо и самодержавіе можетъ также обезпечить хозяйственный бытъ, личную безопасность и общественную самодѣятельность, какъ и республика.

Это заключительный выводъ Витте. Какъ ихъ сопоставить и связать воедино, безъ ущерба для логики — это уже секретъ г. Витте.

Но, помимо этого, во всемъ этомъ разглагольствованіи особенно великолѣпна эта параллель, нивеллирующая самодержавіе съ республикой и утвержденіе, что самодержавіе — это высшее воплощеніе единоличнаго усмотрѣнія, а стало быть и неизбѣжнаго произвола, можетъ быть правовымъ государствомъ и дать гражданамъ правовыя гарантіи.

Изъ какой исторіи почерпнулъ г. Витте эту истину?

Не изъ турецкой ли, въ которой взяточничество и сажаніе на колъ по первому взмаху султанскаго платка возведены въ систему государственнаго управленія?

Или изъ китайской, гдѣ богдыханъ, приравненный къ небожителямъ, не имѣетъ представленія о тѣхъ грабежахъ и насиліяхъ надъ народомъ, которые стали обычнымъ фономъ государственной жизни небесной имперіи?

Или можетъ быть изъ нашей отечественной россійской исторіи, гдѣ опричнина въ теченіи столѣтій составляла и продолжаетъ составлять главный базисъ самодержавія, его оплотъ, его смыслъ и жизнеспособность.

Развѣ Витте не понимаетъ, что при самодержавіи самоопредѣляющейся личности, основному элементу правового государства, цѣна — ломанный грошъ.

Развѣ Витте не знаетъ, что для самоопредѣляющейся, ищущей правовыхъ гарантій, личности

у самодержавія есть министры вродѣ Плеве, есть адмиралы вродѣ Дубасова, есть милліоны штыковъ, есть петропавловскіе и шлиссельбургскіе казематы, безпредѣльныя тундры и тайги Сибири, ея глубокіе рудники. . . .

Витте слишкомъ уменъ, чтобы не понять, что самодержавіе и правовое государство — политическія антитезы.

Вопросъ стоитъ гораздо проще, чѣмъ кажется.

Стоитъ вспомнить, что въ то время, когда Витте писалъ все это, принципъ самоопредѣляющейся личности, по его собственнымъ же словамъ, въ той же запискѣ сказаннымъ, не соотвѣтствовалъ политикѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и его мѣропріятіямъ, направленнымъ къ сокращенію „самоуправленія“ и усиленію правительственной опеки.

И министръ Витте жертвуетъ логикой, жертвуетъ исторической правдой и даже рискуетъ проявить политическое невѣжество, лишь бы идти нога въ ногу съ общей политикой министерства внутреннихъ дѣлъ и даже — какъ увидимъ ниже — перещеголять ее въ ея реакціонныхъ тенденціяхъ.

V.

И такъ, полемизируя съ Горемыкинымъ Витте договорился до мысли, что для правоваго порядка въ странѣ форма правленія и управленія въ высокой степени безразлична.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ Россіи, Витте посвящаетъ нѣсколько страницъ мысли о томъ, что единство управленія въ странѣ возможно лишь при условіи однородности началъ въ устройствѣ высшихъ и низшихъ инстанцій, центральныхъ и мѣстныхъ органовъ.

Эти разглагольствованія не предвѣщаютъ читателю ничего хорошаго. И дѣйствительно, ихъ заключительный аккордъ сводится къ тому, что земскія учрежденія, по своей идеѣ противоположны самодержавію и потому въ самодержавномъ строѣ, какъ средства управленія, не пригодны.

Чувствуя однако невыгодность впечатлѣнія отъ этого тезиса, Витте спѣшитъ оговориться.

„Я вовсе не хотѣлъ сказать, что земство само по себѣ — непригодное средство управленія. Каждое учрежденіе хорошо въ строѣ ему соотвѣтствующемъ. Въ конституціонномъ государствѣ земства могутъ быть превосходнымъ средствомъ управленія: тамъ они составляютъ одно звено въ цѣпи, скованной изъ одного метала; тамъ ихъ положеніе вполнѣ опредѣленное. Они будутъ дѣлать свое дѣло, не забѣгая впередъ и не опасаясь ежеминутно за прочность своего существованія. Тамъ впереди ихъ, въ центральныхъ органахъ есть ихъ же представители и потому къ предначертаніямъ этихъ органовъ они всегда будутъ относиться съ полнымъ довѣріемъ, будутъ усердными исполнителями этихъ распоряженій. . .

Совершенно иное въ государствѣ самодержавномъ. Здѣсь такія учрежденія рѣзко отличаются отъ всего, что кругомъ нихъ и что выше ихъ“ и. т. д. . . .

Тутъ Витте рисуетъ печальную картину вѣчнаго раздора и оппозиціи земства самодержавному правительству и заканчиваетъ такъ:

„Земство по существу своему учрежденіе конституціонное, народовластное и въ строѣ монархическомъ (вѣроятно онъ хотѣлъ сказать — самодержавномъ) оно плохое средство управленія".

Вы чувствуете уже, что записка подходитъ къ своему кульминаціонному пункту.

Предъ авторомъ и его читателемъ сразу во всей своей ясности и опредѣленности выростаетъ жгучій вопросъ.

Если земство и самодержавіе несовмѣстимы, то очевидно, что одно должно быть принесено въ жертву другому.

Одно изъ двухъ: или нужно сохранить самодержавіе и принести ему въ жертву несвойственное, противорѣчащее ему земство, или нужно развить идею земства до полной системы народовластія и полнаго уничтоженія самодержавія?

Съ жгучимъ интересомъ вы пробѣгаете дальнѣйшія страницы записки, но высокопревосходительный авторъ не торопится отвѣтомъ на этотъ жгучій вопросъ.

Въ немъ просыпается будущій дипломатъ Портсмута и онъ начинаетъ, что называется, подъѣзжать издалека.

„Собственно говоря, начинаетъ Витте, земство было создано у насъ, какъ первый шагъ на пути къ конституціонализму, какъ школа представительныхъ учрежденій. Но, такъ какъ, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, перемѣна государственнаго строя не входитъ въ дальнѣйшіе виды пра-

вительства, то и вся послѣдняя исторія земства, за исключеніемъ краткаго промежутка времени — министерства гр. Лорисъ-Меликова — есть исторія ограничительныхъ мѣръ по отношенію къ земству.

Прослѣдивъ затѣмъ исторію земства за послѣднія четверть вѣка, его то воскресавшія, то потухавшія надежды, Витте заканчиваетъ эти любопытныя страницы слѣдующимъ похоронным аккордомъ:

„Вѣянія миновали. Правительство вступило на путь укрѣпленія самодержавія. Вся послѣдующая политика министерства внутреннихъ дѣлъ — это политика постепеннаго уничтоженія всесословнаго самоуправленія. Проэктъ гр. Толстого былъ въ сущности проэктомъ окончательнаго упраздненія земскихъ учрежденій. Полнаго осуществленія проэктъ этотъ не получилъ, но то, что не было сдѣлано правительствомъ въ 1890 г., то мало по малу и по частямъ будетъ достигнуто дальнѣйшими мѣропріятіями правительства „къ окончательному упорядоченію земскаго дѣла“.

Печальная картина девяностыхъ годовъ исторически вѣрно набросана авторомъ. Чувствуется даже нѣкоторый оттѣнокъ меланхолической грусти автора, повидимому скорбящаго о судьбѣ земства. Особенно характерно это ироническое взятіе въ кавычки словъ „окончательному упорядоченію“.

И читатель съ возрастающимъ интересомъ ждетъ наконецъ отъ Витте отвѣта, въ сторону какой же жертвы лежитъ его министерская душа: въ сторону жертвы самодержавіемъ въ пользу земства или наоборотъ?

Но Витте все еще держитъ читателя вдали отъ этого отвѣта и дипломатично пускается въ исторію запада.

Обрисовавъ вѣчный антагонизмъ земства и правительства, Витте поясняетъ:

„Вся эта лѣтопись не есть особенность нашего провинціальняго быта, а составляетъ прямой результатъ неправильной постановки дѣла, неправильнаго совмѣщенія въ государственномъ строѣ двухъ противоположныхъ началъ. Борьба этихъ началъ стереотипно повторяется вездѣ. . . .

Такъ напримѣръ во Франціи, по словамъ Леруа Болье. . . .

Точно также въ Пруссіи, по словамъ Моріера... Профессоръ Шульце говоритъ . . . Въ мемуарахъ Бисмарка мы видѣли . . . и т. д., и т. д.

И на пространствѣ нѣсколькихъ страницъ Витте прячется за авторитетъ научныхъ и политическихъ именъ, признавшихъ несовмѣстимость земскихъ (провинціальныхъ) органовъ самоуправленія съ бюрократическимъ строемъ.

И, подойдя, наконецъ, послѣ своихъ историческихъ справокъ вплотную къ вопросу о земствѣ и самодержавіи въ Россіи, онъ опять таки ссылками на авторитетъ Леруа Болье, Меккензи Уолеса и итальянца Карлети наконецъ высказываетъ, что самодержавная власть — есть единственный образъ правленія примѣнимый къ Россіи и что власть эта не должна быть ничѣмъ ослабляема, а должна сохраняться въ полной неприкосновенности.

Dixi et animam levavi!

Слово сказано и политическая фигура „министра изъ общества“ Витте вырисовывается во

весь ростъ и, отдавая по военному честь руководящей политикѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, ведущей къ „окончательному упорядоченію“ земскаго дѣла, Витте восклицаетъ:

— Да здраствуетъ самодержавіе! Долой земство!

Но не даромъ въ нѣдрахъ финансоваго генія Россіи таились дипломатическія силы будущаго героя Портсмута.

И Витте, чувствуя, какъ удручающе долженъ былъ подѣйствовать на читателя его политическій лозунгъ, начинаетъ смягчать свой реакціонный кличъ.

Сдѣлавъ еще разъ маленькую экскурсію въ исторію Западной Европы и ея конституціонныхъ учрежденій, Витте пророчески изрекаетъ:

„Россія, умудренная опытомъ народовъ Запада, не должна повторять ихъ ошибокъ и должна найти иной путь — поставить правительственные органы въ тѣсную связь съ обществомъ . . . необходимо правильно организованное участіе общественныхъ элементовъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, но не на конституціонномъ принципѣ.“

Такъ вотъ гдѣ зародилась впервые мысль о сочетаніи самодержавія съ народовластіемъ.

Эту идею родила та же голова, которая родила и винную монополію.

Стало быть обѣ эти идеи — сестры.

Пойди и разберись теперь, чего хочетъ г. Витте.

Самодержавіе не совмѣстимо съ самоупра-

вленіемъ. Но необходимо привлечь общественный элементъ къ управленію страной.

Другими словами, нужно найти такой путь, чтобы самодержавіе осталось, но чтобы въ то же время его какъ будто и не было бы.

Нѣчто вродѣ того, какъ говоритъ Бобчинскій.

— Мой старшій сынъ рожденъ мною до брака, т. е. собственно рожденъ въ бракѣ, но какъ будто до брака.

Какъ ни нелѣпа мысль Витте и какъ ни невинна она вслѣдствіе своей нелѣпости, но и на ней онъ не рискуетъ остановиться.

Вѣдь по измѣнившимся обстоятельствамъ измѣненіе существующаго государственнаго строя не входитъ въ дальнѣйшіе виды правительства. Это — разъ.

Второе — вѣяніе миновали и правительство вступило на путь укрѣпленія самодержавія.

А онъ вдругъ „такую“ мысль высказалъ.

Опасно! Еще чего добраго министерство внутреннее не поймѳтъ всей тонкости его хитросплетенія и заподозритъ его въ противорѣчіи „общей“ политикѣ.

И Витте спѣшитъ высказаться вполнѣ опредѣленно:

„Можно считать, что правительственная администрація (читай: самодержавіе) есть несовершенное, неспособное къ улучшеніямъ, отживающее средство управленія, которое — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше — должно уступить свое поприще другой, молодой, болѣе совершенной системѣ самоуправленія (читай: конституціи) и что возможно широкимъ послѣдовательнымъ и правильнымъ раз-

витіемъ этой послѣдней системы единственно обезпечивается благо народа. Лично я не раздѣляю такой точки зрѣнія (еще-бы!), но я ее понимаю (и за то спасибо!).

„Но можно имѣть и другую противоположную точку зрѣнія. Можно вѣрить — и лично я исповѣдую это убѣжденіе — что конституція вообще есть „великая ложь нашего времени“ и что въ частности, къ Россіи, при ея разноязычности и разноплеменности эта форма правленія не примѣнима безъ разложенія государственнаго режима.

И чтобы покончить съ вопросомъ министръ Витте беретъ окончательный аккордъ своего похороннаго марша:

„Никакого дальнѣйшаго расширенія дѣятельности земству давать нельзя.„

И оттого и потому:

Да здравствуетъ самодержавіе и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь!

VI.

Таковъ былъ Витте — вчера.

Самодержавіе — единственная форма правленія необходимая для Россіи.

Конституція — великая ложь нашего времени.

Никакого дальнѣйшаго развитія земству давать нельзя.

Вотъ три кита, на которыхъ покоится политическое credo министра Витте.

Прошло нѣсколько лѣтъ и даже очень мало лѣтъ.

15 іюля 1904 года русская исторія вступила въ новую фазу.

Этой исторической датѣ суждено будетъ стать эрой русскаго политическаго возрожденія.

Въ этотъ день рухнулъ самый надежный столбъ, поддерживавшій русское самодержавіе, былъ убитъ всесильный деспотъ-министръ В. К. Плеве.

Россія послѣдней четверти вѣка привыкла къ политическимъ убійствамъ и въ ней они перестали производить исключительное впечатлѣніе.

Но ничего подобнаго тому впечатлѣнію, которое произвело убійство Плеве, русское общество не знало. Даже убійство Александра II произвело въ свое время меньшее по своей напряженности впечатлѣніе, чѣмъ убійство Плеве.

Безъ преувеличенія можно сказать, что весь полуторастомилліонный русскій народъ при вѣсти объ убійствѣ Плеве, облегченно вздохнулъ и мысленно благословилъ тогда еще неизвѣстное имя борца за свободу, удачная бомба котораго сыграла въ русской исторіи роль историческаго выстрѣла Вильгельма Телля.

Даже оффиціальная, чиновничья Россія всѣхъ ранговъ и калибровъ не скрывала своего удовлетворенія.

Одинъ восточнаго происхожденія человѣкъ, достигшій благодаря покровительству Плеве генеральскихъ степеней, разсказывалъ, что въ самый

день убійства Плеве на панихидахъ по немъ даже облагодѣтельствованные его протекціей чиновники высшихъ ранговъ не скрывали своего сочувствія Сазонову.

Другой генералъ, лечившій на Кавказѣ свои прогнившія почки, послѣ полученія извѣстія объ убійствѣ Плеве, въ разговорѣ со своимъ сосѣдомъ по ваннѣ, спросилъ:

— Ну . . . что вы скажете? Убили Плеве! . . .

Тотъ зная генерала, какъ заядлаго бурбонаретрограда и не желая открыть свое личное мнѣніе по этому поводу, уклончиво отвѣтилъ:

— Да . . . конечно . . . Государственный дѣятель . . .

— Государственный прохвостъ, лучше скажите . . Туда ему и дорога . . . Жаль только, что этого раньше не случилось . . .

И, давъ волю своей больной желчи, генералъ разразился филиппикой по адрессу убитаго министра.

И этотъ генералъ не былъ единственный. Такъ какъ онъ — одни болѣе, другіе менѣе сдержанно — разсуждала вся Россія.

Вся Россія понимала, что это не просто политическое убійство, какъ убійство Сипягина, Боголѣпова, Бобрикова и др. Всѣ сознавали, что здѣсь начинается новая глава русской политической исторіи, что это убійство легло красной демаркаціонной линіей между двумя эпохами, что русская государственная жизнь подошла къ тупику, изъ котораго нѣтъ другаго выхода, какъ только къ народной свободѣ . . .

И въ этомъ сознаніи всего русскаго общества крылась причина необычайнаго впечатлѣнія, произведеннаго на всю Россію убійствомъ Плеве . . .

Русское общество не ошиблось.

Съ 15 іюля 1904 года исторія Россіи пошла необычайно быстрыми шагами, въ невѣроятно ускоренномъ темпѣ.

Появленіе у власти кн. Святополкъ-Мирскаго, брошенныя имъ — случайно или умышленно — слова „довѣрія къ общесгвеннымъ силамъ „переродили до неузнаваемости даже внѣшнюю физіономію русской общественной жизни . . .

Первый — полуоффиціальный, полуконфиденціальный — съѣздъ земскихъ дѣятелей 6 ноября 1904 г. чуть слышнымъ голосомъ произнесъ впервые начала конституціонной свободы и они все таки гулкимъ эхомъ пронеслись по всей Россіи . . . Началась эпоха „банкетовъ“, волна которыхъ все гуще и гуще наростала. Таившіяся давно въ нѣдрахъ сознательнаго русскаго общества творческія силы, задавленныя безпримѣрнымъ деспотизмомъ временщика Плеве, всплыли наружу и началась . . . великая русская революція!

И она — великая, свободолюбивая — двинулась противъ своего исконнаго врага — русскаго самодержавія, возвѣщая страдальцу народу близкую зарю политическаго освобожденія. . . .

VII.

Что же дѣлалъ министръ (уже не финансовъ, а министръ безъ портфеля, предсѣдатель комитета министровъ) Витте въ это свѣтлое утро политическаго пробужденія Россіи?

Онъ благоразумно молчалъ.

Онъ видѣлъ, что исконная форма правленія, единственная, по его мнѣнію, возможная для Россіи — самодержавіе — трещитъ по всѣмъ швамъ и рушится.

Онъ понималъ, что „великая ложь нашего времени (по его выраженію) — конституція — надвигается на Россію. . . .

Онъ видѣлъ, что земство, для котораго онъ не допускалъ никакого дальнѣйшаго развитія, перерождается въ авангардъ народнаго представительства. . . .

Но онъ слишкомъ былъ остороженъ, чтобы въ эту эпоху перелома, ясно и опредѣленно стать на ту или другую сторону.

И онъ молчалъ, слушалъ, наблюдалъ и ожидалъ. . . .

Носились слухи объ его опалѣ и этими слухами объясняли бездѣйствіе этой все таки крупной министерской величины.

Но не въ опалѣ Витте была причина его сравнительнаго бездѣйствія.

Витте вчерашній, адептъ самодержавія, какъ единственной пригодной для Россіи формы правленія, ловко пользовался своимъ положеніемъ предсѣдателя комитета министровъ, чтобы въ этомъ положеніи лица, якобы не имѣющаго ак-

тивной власти, держаться до поры до времени золотой середины въ разгарающейся борьбѣ двухъ политическихъ началъ. . . .

Тѣмъ временемъ исторія шла гигантскими шагами, какъ великанъ въ семимильныхъ сапогахъ. Одинъ день не походилъ на другой. Въ мѣсяцъ наростало то, что въ другихъ исторіяхъ наростало годами.

Указъ 18 февраля, первое оффиціальное признаніе начинающагося паденія самодержавія, указъ 17 апрѣля — раскрѣпостившій, пока еще номинально, свободу совѣсти, работа Булыгинской коммиссіи надъ проэктомъ государственной думы, военные успѣхи японцевъ, разростающееся политическое движеніе, наростаніе союзовъ, интенсивная дѣятельность революціонныхъ партій, забастовки, политическія убійства, все съ несомнѣнной ясностью доказывало, что къ прошлому режиму возврата нѣтъ.

Самодержавіе, единственно пригодная, по словамъ Витте, для Россіи государственная форма фактически рушилось день за днемъ.

Въ этомъ не оставалось сомнѣнія даже для Витте.

Дальше молчать и бездѣйствовать становилось рискованнымъ.

И предъ русскимъ обществомъ появляется новый Витте, не вчерашній, а такъ сказать Витте сегодняшній.

Условія удивительно благопріятно складывались для этого государственнаго хамелеона.

Дальневосточная авантюра подходила къ

концу. Стало очевиднымъ, что партія на дальнемъ востокѣ проиграна безвозвратно.

Мало того — проиграна позорно.

Необходимъ наконецъ выходъ изъ этой петли . . . Нуженъ миръ — вочтобы то ни стало. Нуженъ по двумъ причинамъ: вопервыхъ нѣтъ денегъ на продолженіе этой безумной, преступной войны, во вторыхъ — внутри страны надвигалась революція . . .

Этимъ моментомъ удачно воспользовался Витте. Разсказываютъ, что благодаря вліянію Трепова, въ то время бывшаго въ большомъ фаворѣ у царя, Витте былъ назначенъ главноуполномоченнымъ русскаго правительства въ Портсмутскую конференцію для заключенія почетнаго мира.

Началась портсмутская комедія. Съ мастерствомъ заправскаго актера Витте разыгралъ свою роль. Миръ нуженъ былъ Россіи; мнимыя уступки японцевъ, однако, объясняются тѣмъ, что война не нужна была больше Японіи. Японское правительство поняло, что его задача кончена. Оно обнаружило предъ всей вселенной всю гниль русской государственной жизни. Оно нанесло Россіи тяжкій политическій и матеріальный уронъ. Оно поняло, что дальнѣйшій окончательный ударъ будетъ нанесенъ Россіи ею же самой извнутри, что смерть самодержавной, изолгавшейся, изворовавшейся Россіи произойдетъ отъ внутренняго кровоизліянія . . .

Миръ былъ заключенъ.

За отсутствіемъ дѣйствительныхъ побѣдъ, русское правительство удовольствовалось театральной побѣдой Витте и встрѣчало его тріумфаторомъ.

Графская корона увѣнчала голову, придумавшую винную монополію. . . .

А внутри страны клокотала революція и волны ея все ближе и ближе подступали къ подножію самодержавнаго трона. . . .

Положеніе дѣлъ въ странѣ для Витте выяснилось. Наступилъ моментъ дѣйствовать и предъ русскимъ обществомъ появилась новая фигура Витте — такъ сказать Витте сегодняшній.

Отъ трехъ китовъ его вчерашняго политическаго credo не осталось слѣда.

Занявъ впервые на Руси кресло министра-президента, наскоро сфабрикованное столярами самодержавія, Витте сталъ отрекаться отъ старыхъ боговъ.

Не самодержавіе, а конституція вотъ необходимая намъ форма государственнаго строя.

Конституція не есть великая ложь нашего времени, а единая сущность политической правды.

Земство — ахъ наше милое, дорогое земство, наша надежда и оплотъ. . . .

И сіятельный премьеръ, вчера еще утверждавшій, что никакого дальнѣйшаго развитія дѣятельности земства нельзя допустить, сегодня расшаркивается предъ земствомъ, заискиваетъ въ немъ, изъ него пытается вербовать государственныхъ дѣятелей. . . .

Но оказывается слишкомъ поздно. Лучшія русскія люди успѣли раскусить „что за птыця Петрова Молодыця“, и протянутая рука министра президента не привлекла никого и осталась безъ отвѣта. . . .

VIII.

Дальше нечего разсказывать.

Вся дальнѣйшая исторія день за днемъ раскрывала передъ русскимъ народомъ все двуличіе, съ которымъ „министръ изъ общества“, добравшись до вершины земнаго величія, велъ свою „внутреннюю“ политику.

Какъ двуликій Янусъ, однимъ лицомъ онъ расплывается въ нѣжѣйшую улыбку по адресу конституціи и народнаго представительства, сочиняетъ манифестъ 17 октября, пишетъ къ нему комментаріи, а другимъ лицомъ изображаетъ грозную мину гнѣва и негодованія по поводу разгорающейся борьбы народной за свободу и одобрительно подмигиваетъ царской опричинѣ, заливающей несчастную страну кровью отъ административныхъ разстрѣловъ, и огнемъ экзекуціонныхъ пожаровъ.

Исторія не знаетъ большаго цинизма, чѣмъ цинизмъ этого временщика, худшаго изъ всѣхъ, какихъ только выстрадала Россія, худшаго по тому іезуитству, по той провокаціи, которые являются основными лейтъ-мотивами виттевской сегодняшней политики.

Но Витте не смущается ничѣмъ.

Съ тѣмъ же цинизмомъ онъ жалуется иностранцу-корреспонденту на отсутствіе сочувствующихъ ему молодей, на свое одиночество и торжественно вѣщаетъ ему: „Мой руководящій принципъ заключается въ томъ, чтобы поступать всегда согласно моему образу мыслей, а награды я жду только отъ своей совѣсти.“

О какой совѣсти имѣетъ право говорить этотъ человѣкъ?

Если о той, которая спокойно взирала на кровавыя октябрскія событія, вызванныя провокаторскимъ манифестомъ 17 октября, о той совѣсти, которая молчала, когда Россія заливалась потокомъ невинной, даже дѣтской крови, покрывалась кострами пожаровъ, когда земля дрожала отъ усмирительной дѣятельности пулеметовъ, сравнявшихъ съ землей тысячи домовъ, унесшихъ тысячи жизней по одному только подозрѣнію не въ мѣру ретивыхъ генераловъ — если графъ Витте говоритъ именно объ этой совѣсти, тогда конечно, отъ нея онъ можетъ ожидать награды.

Но есть другая совѣсть, не графско-самодержавная, а обыденная общечеловѣческая совѣсть, карающая лицемѣріе, обрызганное народной кровью, закопченное дымомъ экзекуціонныхъ пожаровъ, есть совѣсть, про которую поэтъ говоритъ:

Совѣсть — заимодавецъ грубый,
Нежданный гость, проклятый собесѣдникъ,
Когтистый звѣрь, грызущій сердце наше.
Совѣсть — это вѣдьма,
Отъ коей звѣзды меркнутъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ. . . .

Отъ этой совѣсти графъ Витте едва ли дождется награды!

IX.

Собственно говоря на этомъ можно было бы кончить.

Секретные документы вчерашняго Витте, на которыхъ я останавливался въ первыхъ главахъ, оттѣняютъ еще рѣзче два портрета Витте: вчерашняго — самодержавнаго и сегодняшняго — якобы конституціоннаго.

Мертвые, пожелтѣвшіе отъ времени листки этихъ документовъ заговорили, чтобы еще разъ уличить русскаго премьера, руководителя и вдохновителя всероссійскихъ сатраповъ, въ цинизмѣ его двойственной политики.

Но на послѣднемъ листкѣ этихъ бумагъ есть нѣсколько строкъ, которыя въ pendant къ административнымъ разстрѣламъ, грохоту пулеметовъ и дикой оргіи карательныхъ отрядовъ должны звучать даже для графа Витте громовымъ memento:

„Нельзя создавать либеральныя реформы“, пишетъ Витте, „не наполняя ихъ соотвѣтствующимъ содержаніемъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всякой неискренности, всякой двойственной политики являются разнаго рода запрещенія, ограниченія и стѣсненія, а ничто такъ не подавляетъ самодѣятельности общества, не подрываетъ въ такой мѣрѣ престижъ власти, какъ частое и широкое примѣненіе репрессивныхъ мѣръ.

Мѣры эти — мѣры опасныя и продолженіе ихъ примѣненія либо приводитъ ко взрыву, либо дѣйствительно обращаетъ все населеніе въ безсвязныя толпы, въ „людскую пыль“. . .

Такъ писалъ графъ Витте нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Если графская корона не окончательно придавила сообразительныя способности графа Витте, онъ долженъ понять, что обращеніе русскаго народа въ „людскую пыль“ — наивная мечта. . . .

Значитъ изъ двухъ выводовъ Витте долженъ остаться одинъ — взрывъ народнаго негодованія. . .

И его усердно провоцируетъ Витте. . . .

И такъ и хочется крикнуть этому чудовищному лицемѣру XX вѣка:

— Графъ! остановитесь . . . Вспомните, что вы писали еще вчера про репрессивныя мѣры. . . Вспомните свои же собственныя слова! . . .

Но отвѣта нѣтъ.

И только далекое сѣверное эхо насмѣшливо передразниваетъ:

— Слова! . . .

Берлинъ 1906.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.